

АПОСТОЛЬСКІЯ ЛИТУРГІИ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

Литургіи ап. Іакова, Ѡаддея, Марія и ев. Марка.

Александра Петровскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Высочайше утвержд. Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Невскій пр., № 132.
1897.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется
5 Марта 1897 г.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Іоаннъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—II
Вопросъ объ апостольской основѣ литургій апостоловъ Іакова, Ѳаддея, Марія и ев. Марка и данныя для его разрѣшенія.	1—24
Наиболѣе древнее, общее спискамъ литургій Іакова содержаніе и его повдигшія осложненія.	25—43
Литургія ап. Іакова; ея современный видъ и составъ въ IV в.	44—78
Составъ іерусалимской литургіи II в. по свидѣтельству Іустина Мученика.	79—105
Литургія ев. Марка; ея современный видъ и составъ въ болѣе раннее время (IV в.)	106—147
Литургіи ев. Марка по свидѣтельству Оригена и коптскихъ Апостольскихъ Постановленій	148—172
Литургіи ап. Ѳаддея и Марія. Ея современный видъ и исторія его образованія	173—204
Апостольская литургія по свидѣтельству св. Писанія и выводъ объ апостольской основѣ литургій ап. Іакова, Ѳаддея, Марія и евангелиста Мариа	205—251
Приложенія.	1—93

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о литургіяхъ съ именами апостоловъ Іакова, Ѡаддея, Марія и ев. Марка возникъ очень давно. Первыя попытки его разрѣшенія представляетъ уже литература XVI—XVII вв. И несмотря однакожь на свою трехсотлѣтнюю давность, онъ не получилъ еще опредѣленнаго отвѣта. До сихъ поръ остается невыясненнымъ ни положеніе нашихъ литургій въ ряду другихъ литургическихъ памятниковъ, ни ихъ значеніе въ вопросѣ о составѣ и формахъ апостольской литургіи. Относящаяся сюда литература представляетъ простой сводъ шаткихъ, другъ друга опровергающихъ взглядовъ.

Для однихъ эти литургіи—почти апостольскія произведенія, для другихъ ихъ надписаніе именами апостоловъ и евангелиста—прямой очевидный подлогъ. Примиряющій крайность того и другого воззрѣнія взглядъ находитъ въ нихъ черты и апостольскаго и послѣапостольскаго происхожденія. Но и его представители не могутъ точно опредѣлить, что считать въ литургіяхъ апостольскимъ и что послѣапостольскимъ. Конечно, подобная неопредѣленность сужденій и выводовъ объясняется недостаточнымъ изученіемъ содержанія разсматриваемыхъ памятниковъ. Но въ такомъ случаѣ и ихъ голосу нельзя придавать рѣшающаго значенія; а между тѣмъ почти всякій разъ, какъ только заходитъ рѣчь о составѣ и формахъ апостольской евхаристіи, или о времени образованія литургій христіанъ иностранныхъ, сирійцевъ, коптовъ, дѣлается ссылка на ту или другую изъ апостольскихъ литургій. При ея посредствѣ хо-

тять, очевидно, разъяснить эти трудные и важные вопросы, но на самомъ дѣлѣ не замѣчаютъ, что ссылкой на памятникъ сомнительной цѣнности затемняютъ не только ихъ, но и исторію дальнѣйшаго развитія литургій, поскольку апостольскому вѣку усвояютъ то, что ему въ дѣйствительности не принадлежитъ. Отсюда становится понятною вся важность обсуждаемаго вопроса и его выдающееся положеніе въ литературѣ: онъ полагается въ основу сужденій объ апостольской евхаристіи, отъ такого или иного его рѣшенія зависитъ пониманіе исторіи развитія и литургіи вообще и литургій трехъ восточныхъ фамилій (іерусалимской, александрійской и месопотамской) въ частности. И въ этомъ мы находимъ достаточныя побужденія заняться его изученіемъ.

Сообразно съ характеромъ разсматриваемыхъ памятниковъ наша задача и цѣль состоитъ въ уясненіи того, въ какой мѣрѣ и степени приложимъ къ нимъ терминъ «апостольскіе»; а самое прямое и ближайшее средство для этого заключается въ выдѣленіи изъ ихъ состава всего того, что носитъ слѣды послѣапостольскаго образованія. Одна часть этой работы можетъ быть выполнена при свѣтѣ данныхъ изъ исторіи послѣапостольскаго развитія литургій, а другая требуетъ изученія свидѣтельствъ Писанія. Лишь при посредствѣ этихъ послѣднихъ можетъ быть разрѣшенъ самый важный вопросъ: допускала ли апостольская литургія объединеніе гомилетическаго элемента съ евхаристическимъ, на чемъ такъ настаиваютъ протестанты, усиливающіе гомилетическій элементъ въ ущербъ сакраментальному.

Вопросъ объ апостольской основѣ литургій апостоловъ Іакова, Ѳаддея, Маріа и ев. Марка и данныя для его разрѣшенія.

„Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ“ (1 Кор. V, 7), восклицаетъ апостолъ языковъ, разумѣя отмѣну ветхозавѣтнаго культа съ момента установленія евхаристіи и крестной смерти Спасителя. Новая открытая теперь человѣчеству жизнь во Христѣ потребовала созданія и новыхъ жизненныхъ формъ и учреждений, ибо „вино ново не вливается въ мѣхи ветхи“ (Мр. II, 22). Забота объ этой внутренней организаціи церкви возлагается Спасителемъ на апостоловъ (Мѡ. XXXVIII, 20), а все относящееся къ дѣлу спасенія человѣка устанавливается Имъ Самимъ. Таково, между прочимъ, и таинство евхаристіи. Учрежденное І. Христомъ наканунѣ крестныхъ страданій, оно обезпечивается въ своемъ существованіи словами „сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Лк. XXII, 19), и съ тѣхъ поръ дѣлается неотъемлемымъ достояніемъ церкви, прежде всего церкви вѣка апостольскаго. Вѣрные завѣту Христа, апостолы совершаютъ евхаристію въ частныхъ домахъ (Дѣян. II, 46), придаютъ ей извѣстную форму (I Кор. XI, 23 — 26) и передаютъ своей церкви. На почвѣ этихъ послѣднихъ фактовъ и возникло впоследствии то извѣстное въ церкви преданіе, что нѣкоторые изъ апостоловъ—Іаковъ, Ѳаддей, Марій и ев. Маркъ—были составителями опредѣленнаго чина литургіи. Его связь и почти тожество съ свидѣтельствомъ Св. Писанія вполне ясны и понятны; все различіе въ томъ, что той же самой мысли придана въ немъ иная нѣсколько форма: забота объ устройствѣ богослуженія представляется здѣсь дѣломъ не всѣхъ апостоловъ въ совокупности, какъ говоритъ кн. Дѣяній, а дѣломъ лишь нѣкоторыхъ. Но и съ этой стороны наше преданіе вполне устойчиво: свидѣтельствуя о литургической дѣятельности апостоловъ въ основанныхъ ими церквахъ, оно отмѣчаетъ лишь тотъ историческій фактъ, что каждый изъ нихъ былъ первоначально единственнымъ совершителемъ таинства евхаристіи въ созданной его трудами и

заботами церкви. Таковъ прямой и единственно возможный смыслъ разсматриваемаго преданія. Но не довольствуясь такимъ пониманіемъ, въ немъ хотятъ видѣть нѣчто большее: его возводятъ на степень критерія для точнаго опредѣленія предѣловъ и формъ литургической дѣятельности апостоловъ; при его посредствѣ хотятъ доказать, что она проявилась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее представляютъ существующія теперь литургіи Іакова, Фаддея, Марія и ев. Марка; но такое пониманіе и преданія и самыхъ литургій, какъ рѣшающихъ вопросъ о составѣ евхаристіи апостольскаго вѣка, подвергается законному сильному сомнѣнію.

Еще въ XII в. александрійскій патріархъ Маркъ спрашивалъ извѣстнаго канониста Θεодора Вальсамона, что ему думать о литургіяхъ, написанныхъ по преданію Іаковомъ и Маркомъ, могутъ ли быть онѣ приняты въ католической церкви ¹⁾. И съ тѣхъ поръ этотъ неизмѣнявшійся до настоящаго времени вопросъ,—признавать или нѣтъ за ними апостольское достоинство, — не получилъ одного какого-либо опредѣленнаго отвѣта. Исторія его рѣшенія представляетъ два господствующія направленія, отрицательное и положительное. Слѣды перваго замѣтны еще въ отвѣтѣ Вальсамона ²⁾, но съ особенною рельефностію то и другое сказалось въ первой извѣстной послѣ него попыткѣ разрѣшить вопросъ въ XVI и XVII вв. Историческое объясненіе двойственнаго характера попытки заключается въ томъ, что она вышла изъ двухъ противоположныхъ лагерей—католическаго и протестантскаго, изъ которыхъ каждый смотрѣлъ на дѣло съ своей точки зрѣнія, со стороны пригодности разсматриваемыхъ литургій для оправданія своихъ взглядовъ на существующую богослужебную практику. И потому въ то время, какъ католики—Белларминъ, Бароній, Левъ Алляцій и др.,—находя въ нихъ одно изъ основаній возвести послѣднюю къ апостольскому времени, почти не сомнѣвались въ ихъ принадлежности апостоламъ, если не по буквѣ, то по крайней мѣрѣ по духу ³⁾, протестанты въ цѣляхъ ослабить силу этого при-

¹⁾ Ἐρωτήσεις κανονικαὶ τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Ἀλεξανδρείας Κυρίου Μάρκου καὶ ἀποκρίσεις ἐπ' αὐταῖς τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Ἀντιοχείας Κυρίου Βαλσαμών. Migne. Cursus completus patrologiae. 119 tom. 1033 col. ed. 1864.

²⁾ «Итакъ, мы говоримъ», отвѣчаетъ Вальсамонъ на вопросъ патріарха Марка, «что ни Св. Писаніемъ, ни предписаннымъ соборне правиломъ мы не научены службѣ, переданной св. апостоломъ Маркомъ. Ибо одинъ только 32 канонъ святаго и вселенскаго собора Трульскаго говоритъ, что св. Іаковомъ братомъ Божиимъ было составлено таинственное священнодѣйствіе. Но 85 правило свитыхъ и всехвальныхъ апостоловъ и 59 канонъ Лаодикійскаго собора, перечисляющаго книги ветхаго и новаго завета и самыя апостольскія, которыя должны быть у насъ въ употребленіи, не дѣлаютъ никакого упоминанія о священнодѣйствіи св. Іакова или св. Марка».

³⁾ Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна IV, но главнымъ образомъ VI

водимого ихъ противниками доказательства апостольской древности современнаго состава литургіи и тѣмъ оправдать свое отрицательное отношеніе къ нему настаивали на ихъ позднѣйшемъ послѣ-апостольскомъ происхожденіи. Такъ представляютъ дѣло Ривецій, Кавей, ссылаясь въ подтвержденіе своей мысли на встрѣчающіяся въ нашихъ литургіяхъ выраженія, въ родѣ „*ὁμοούσιος, θεοτόκος*“, на появившееся послѣ апостоловъ помяновеніе исповѣдниковъ, подвижниковъ, на пѣніе трисвятаго и т. п.¹⁾ Но, помимо этихъ чисто временныхъ условій, причины двоякаго рѣшенія ли-

книга трактата Белярмина: «*de sacramento eucharistiae*», представляющая оправданіе апостольской древности современной ему католической литургіи путемъ ссылокъ не только на святоотеческія творенія, но и на литургію Іакова, т. е. на такіе памятники, которые сообразно съ словами: «за апостольскія преданія мы признаемъ тѣ, которыя выдаются за таковыя на основаніи надежныхъ свидѣтельствъ древности» (*Disputationes de controversiis christianae fidei adversus hujus temporis haereticos I tom. De verbo Dei non scripto. Lib. IV, cap. III, p. 102, Pragae ed. 1721*), имѣютъ въ вопросѣ объ апостольскомъ преданіи рѣшающее значеніе. При помощи этихъ данныхъ онъ доказываетъ апостольскую древность ученія римской церкви объ евхаристіи, какъ жертвѣ умилоостивительной (*Disputationes tom. III. De sacramento eucharistiae, Liber VI, cap. II; p. 462*), ходатайственной (*ibid. cap. III, p. 463*) и, наконецъ, какъ о жертвѣ за святыхъ (*ibid. cap. VIII, p. 470*) и за находящихся въ очищеніи. настойчиво утверждалъ, что обычай жертвоприношенія за усопшихъ ведетъ свое начало отъ апостоловъ, что «ясно видно изъ литургіи ап. Іакова» (*ibid. cap. VII, p. 467*). Она же даетъ ему право защищать древность и отдѣльныхъ частей католической литургіи: молитвъ приготовительныхъ—*confessionis* (*ibid. cap. XVI, p. 486*), ектеніи послѣ «Слава Отцу...» (*ibid. 487*), гимна «слава въ вышнихъ Богу» (*ibid. p. 487*); серафимской пѣсни «святъ, святъ, святъ Господи Саваоѣ» (*ibid. cap. XVII, p. 490*); молитвы во время преломленія евхаристическаго хлѣба—«*pan Domini, et haec commixtio et consecratio*». въ параллель которой приводится имъ молитва литургіи Іакова «освятилось и соединилось» (*ibid. cap. XVII, p. 501*), равно ученія римской церкви о пресуществленіи даровъ во время произнесенія словъ «примите, ядите» (*ibid. Lib. IV, cap. XIII, p. 369—370*) и, наконецъ, даже такой мельчайшей подробности, какъ слова «возвръъ на небо къ Тебѣ, Богу», которыя, хотя не упоминаются ни евангелистами, ни ап. Павломъ, но имѣются въ равняющейся имъ по значенію литургіи Іакова (*ibid. Liber IV, cap. XVI, p. 374*).

На одной точкѣ зрѣнія съ Белярминомъ стоитъ Бароній. Не отрицая того факта, что древнѣйшая литургія Іакова нѣсколько отличается отъ ея изложенія у Кирилла Іерусалимскаго, онъ однако утверждаетъ, что «сущность дѣла осталась неизмѣнною и у послѣдняго», такъ что «все, находящееся у него, заимствовано изъ самой литургіи Іакова». «Существуетъ», говорить онъ, «переданная тѣмъ-же Іаковомъ своей церкви форма жертвоприношенія, или литургія. Это подтверждается не апокрифами, но авторитетомъ древнихъ (*maiorum*); конечно, кто сравнитъ съ нею то, что имѣетъ въ своихъ огласительныхъ «оученіяхъ Кириллъ, епископъ той-же іерусалимской церкви, тотъ сразу пойметъ, что оно заимствовано изъ самой литургіи Іакова». *Baronius. Annales ecclesiastici. I tom. p. 595 (подъ 63 г. XVII) ed. 1738*. Еще яснѣе высказываетъ онъ свой взглядъ на нее, какъ на содержащую апостольское преданіе въ другомъ мѣстѣ. Приводя слова Кирилла Іерусалимскаго о помяновеніи усопшихъ, онъ прибавляетъ: «это Кириллъ заимствовалъ, конечно, не изъ иного источника, какъ преданія Іакова, перваго епископа той-же самой церкви. *Ibid. p. 221 (подъ 34 г. CCCXII)*».

¹⁾ *Renaudot. Liturgiarum orientalium collectio I tom. Praefatio p. XXIII. ed. 1847.*

тературою XVI и XVII вв. нашего вопроса заключались въ самомъ характерѣ литургій. Будучи разсматриваемы со стороны одного содержанія, онѣ представляютъ ясныя слѣды послѣапостольскаго происхожденія и потому могутъ быть включены въ число простыхъ документовъ изъ исторіи послѣапостольскаго развитія литургій, что, дѣйствительно, и дѣлаютъ протестанты. Но въ то же время ихъ надписаніе именами апостоловъ и евангелиста побуждаетъ относиться къ нимъ, какъ къ апостольскимъ произведеніямъ, хотя и измѣненнымъ позднѣйшими прибавленіями, но все же сохранившимъ общій характеръ и типъ апостольской литургіи. Такова вторая точка зрѣнія, примѣненная католиками. Такимъ образомъ, каждое изъ указанныхъ рѣшеній нашего вопроса опиралось на извѣстную сторону литургій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если оба проходятъ съ тѣхъ поръ чрезъ всю литургическую литературу, находя для себя одинаково ревностныхъ защитниковъ. Перваго держатся тѣ изъ ученыхъ, которые подъ вліяніемъ надписанія литургій именами апостоловъ и евангелиста и подтверждающихъ его свидѣтельствъ древности считаютъ возможнымъ говорить объ ихъ апостольскомъ авторитетѣ, усвоить тѣмъ или инымъ частямъ ихъ содержанія апостольское происхожденіе, втораго по преимуществу тѣ, которые, признавая надписаніе литургій подлогомъ, отрицаютъ ихъ апостольское достоинство и потому отказываются признать законность только что указанной постановки дѣла. Такой взглядъ проводятъ въ послѣднее время Бемеръ, Ничъ и др.

По мнѣнію перваго, надписаніе литургій именами апостоловъ и евангелиста есть ничто иное, какъ придуманное въ эпоху записи литургій средство сообщить самостоятельно развившимся литургіямъ іерусалимской и александрійской церкви „большее достоинство среди вѣрующихъ“ ¹⁾. Ничъ, точно не опредѣляя времени усвоенія литургіямъ этихъ церквей носимыхъ ими названій, ограничивается слѣдующимъ, сходнымъ съ отзывомъ Бемера, замѣчаніемъ: „такъ называемыя литургіи Іакова, Климента, Марка суть ничто иное, какъ литургіи Іерусалима, Антиохіи и Александріи въ томъ видѣ, какой онѣ получили до наводненія востока магометанами; ихъ названія появились тогда, когда задумали авторитетомъ этихъ великихъ именъ подтвердить новообразовавшійся литургическій актъ“ ²⁾. Къ подобному же взгляду склоняются Реймольдъ и Шене ³⁾. И справедливость требуетъ сказать, что они

¹⁾ Böhmer. Die christlich-kirchliche Alterthumswissenschaft. II B. s. 202.

²⁾ Nitzsch. Practische Theologie. II B. s. 277. 1848 r.

³⁾ Reimold. Die angeblichen apostolischen Liturgien aus historisch-kritischem

указываютъ на одну изъ самыхъ слабыхъ и нераскрытыхъ сторонъ противоположнаго взгляда. Дѣйствительно, если его защитники обосновываютъ свое довѣріе къ апостольскому авторитету разсматриваемыхъ литургій только на однихъ свидѣтельствахъ древности, то само собою понятно, что послѣднія теряютъ всякій смыслъ и значеніе, разъ надписаніе литургій именами апостоловъ и евангелиста—подлогъ; слѣдовательно, говорить о нихъ, какъ объ апостольскихъ произведеніяхъ, нѣтъ основаній, и все дѣло должно свестись къ разсмотрѣнію происхожденія ихъ послѣапостольскаго состава. Въ виду такой важности взгляда Бемера и Нича для установленія правильнаго отношенія къ нашимъ литургіямъ мы должны разсмотрѣть, можетъ ли онъ быть признанъ справедливымъ. И нельзя не сознаться, что приводимое ими объясненіе надписанія литургій находитъ, повидимому, подтвержденіе въ томъ извѣстномъ фактѣ, что церковь допускала до употребленія только тѣ литургическія молитвы, которыя или были составлены лицами авторитетными, или выдавались за таковыя людьми свѣдущими, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ 116 пр. Кароагенскаго собора, опредѣлившаго, кромѣ одобренныхъ имъ молитвъ, произносить только тѣ, „которыя собраны просвѣщеннѣйшими мужами“¹⁾. Слѣдовательно, нѣтъ ничего страннаго, если въ цѣляхъ признанія и наиболѣе скорого распространенія литургій ихъ выдали за произведенія ап. Іакова и ев. Марка, какъ утверждаютъ Бемеръ и Ничъ. Но на самомъ дѣлѣ подобный подлогъ оказывается невозможнымъ уже съ ихъ точки зрѣнія, поскольку они говорятъ о мѣстномъ характерѣ разсматриваемыхъ литургій. Если это были литургіи мѣстныя и потому въ мѣстахъ своего происхожденія и употребленія всѣмъ извѣстныя, то ихъ авторитетъ стоялъ высоко и безъ усвоенія имъ именъ апостола и евангелиста; защищать и возвышать ихъ достоинство не было необходимости, потому что былъ немислимъ самый фактъ сомнѣнія въ немъ, какъ сомнѣнія въ томъ, что сама церковь признавала и выдавала за свое произведеніе. Съ другой стороны, мѣстный характеръ нашихъ литургій предполагаетъ ихъ развитіе на почвѣ мѣстныхъ условій, оно же, очевидно, должно было начаться съ той формы, въ какой онѣ вышли изъ рукъ апостоловъ, первыхъ совершителей евхаристіи въ Іерусалимѣ, Александріи и

Gesichtspunkte. s. 31; 1831 г. Schöne. Geschichtsforschungen über die kirchlichen Gebräuche und Einrichtungen der Christen. II B. s. 121. 1821 г. По König'y. Die Haupt-Liturgien der alten Kirche. s. 2. 1865 г.

¹⁾ Правила св. помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями. Вып. вт. стр. 680. Изд. Московскаго Общества Любителей духовнаго просвѣщенія. 1880 г. Въ изданіи тѣхъ же правилъ Каз. Дух. Акад. данное правило считается 103.

Месопотаміи. Поскольку, слѣдовательно, Бемеръ и Ничъ допускаютъ фактъ самобытнаго мѣстнаго развитія нашихъ литургій, постольку они должны свести ихъ къ апостоламъ, усвоить ихъ основѣ апостольское происхожденіе. Въ противномъ случаѣ имъ придется или согласиться съ тѣмъ невозможнымъ положеніемъ, что исторія ихъ развитія имѣла и средину и конецъ, но не имѣла начала, или признать немыслимый фактъ *исчезновенія* въ литургіяхъ апостольскаго содержанія. Такимъ образомъ, указанная Бемеромъ и Ничемъ особенность разсматриваемыхъ литургій даетъ намъ неоспоримое право, не отрицая факта образованія ихъ современнаго вида въ послѣапостольскій періодъ, признать за ихъ основою апостольское происхожденіе.

Весь вопросъ теперь въ томъ, насколько твердо положеніе объ ихъ мѣстномъ самобытномъ развитіи.

Утвердительный отвѣтъ даютъ на него такіе ученые, какъ Ренодотъ, Бунзенъ, Пробстъ, Кенигъ, Ниль, Даніель, авторъ Собранія древнихъ литургій, Филаретъ Черниговскій, и вышеупомянутые Бемеръ и Ничъ¹. Но высказывая подобный взглядъ безъ всякихъ ограниченій

¹) Ренодотъ, не имѣя возможности отрицать въ Марковой литургіи существованіе послѣапостольскихъ прибавленій, рѣшается однако утверждать, что всѣ они принадлежатъ основанной проповѣдію и мученичествомъ ев. Марка alexandрійской церкви, и что благоразумные люди должны видѣть въ нихъ замѣчательный памятникъ преданія той церкви, которая была одною изъ четырехъ патриархатовъ («Renoudot. Liturgiarum orientalium collectio I tom. p. LXXXVIII. ed. 1847 г. см. еще 118 стр. того-же тома); такимъ-же точно самобытнымъ произведеніемъ іерусалимской церкви онъ считаетъ и литургію Іакова, — «читаемое нами въ греческой литургіи ап. Іакова», говоритъ онъ, «есть свидѣтельство іерусалимской церкви» (ibid. p. L.). Съ отзывомъ Ренодота сходны по своей опредѣленности отзывы автора «Собранія древнихъ литургій»; — «греческая литургія Марка», замѣчаетъ онъ, «остается для насъ весьма важнымъ памятникомъ того чина, по которому совершали священнодѣйствіе еucharистіи знаменитые святители alexandрійской церкви—Діонисій, Афанасій Великій, Кириллъ и др.» (Собр. др. лит. Выпускъ III, стр. 18, изд. 1874 г.); — Пробстъ, который, ограничиваясь по вопросу о литургіи Марка повтореніемъ Ренодота, называетъ другую изъ разсматриваемыхъ литургій, т. е. Іакова, іерусалимскою и, различая въ ней двѣ части содержанія, утверждаетъ, что «однѣ ведутъ свое начало отъ древней іерусалимской церкви и восходятъ ко временамъ ап. Іакова, а другія присоединены позднѣе», именно, «между 350—450 г.г.» (Probst. Die Liturgie der drei ersten christlichen Jahrhunderten. s. 239. 236, 1870 г.), т. е. въ такой періодъ времени, когда трудно допустить вліяніе на нее другихъ литургій; — König'a, который, соглашаясь съ Bunsen'омъ, что литургія Марка представляетъ для Александріи правильное развитіе потерянной литургіи 2-го столѣтія и современная Іакова—расширенную, но не передѣланную древнюю литургію, стремится, подобно ему, указать для той и другой мѣстную первоформу, именно, для первой въ эіопской литургіи 2 вѣка, а для второй въ сирійской того же вѣка, и отчасти въ литургіи 8-ой книги Апостольскихъ Постановленій. И хотя въ сравненіи съ нею онъ оказываются, по его мнѣнію, чрезвычайно расширенными, но, подобно Probst'у, онъ находитъ возможнымъ отнести ихъ окончательно редакцію ко времени послѣ 325, 421 г.г. (König. Die Haupt Liturgien der alten Kirche. s. 22, 33, 35; 5, 7, 8, 24. Bunsen. Hippolytus und seine Zeit. II B. s. 298. 296. 1853 г.). Раздѣляющимъ указанный взглядъ можно принять и отече-

и оговорокъ, они, безъ сомнѣнія, упускаютъ изъ виду не только тѣ чуждыя первоначальному составу нашихъ литургій заимствованія изъ литургій константинопольской церкви, на которыя указываютъ Гаммондъ и Биккель (по Гаммонду, великій и малый входъ, пѣснопѣнія „Единородный Сыне“, „Святый Боже“, „Иже херувимы“ и гимнъ въ честь Божіей Матери ¹⁾); по Биккелю, соотвѣтствующее византійскому обряду преломленіе евхаристическаго хлѣба послѣ возгласа „святая святымъ“ ²⁾), но и многія другія, ниже перечисленные. Впрочемъ, эта особенность только ограничиваетъ, но не опровергаетъ мысль о самобытномъ развитіи литургій, такъ какъ, по выдѣленіи изъ ихъ состава чуждыхъ имъ наслоеній, остается содержаніе чисто мѣстнаго происхожденія. Съ особенною рельефностію выступаетъ мѣстный характеръ въ такихъ частяхъ литургій, какъ общія молитвы вѣрующихъ и просительныя евхаристическія, въ ихъ содержаніи и отчасти въ расположеніи одна литургія не можетъ быть сведена къ другой. И если такое впечатлѣніе производитъ современный составъ, составъ сравнительно поздняго происхожденія, то тѣмъ болѣе не подлежитъ сомнѣнію ихъ самобытное образованіе въ предшествующее время,— въ первые три вѣка христіанства, такъ какъ именно данный періодъ при существованіи въ немъ свободы въ дѣлѣ составленія молитвъ и характеризуется развитіемъ литургій на почвѣ исключительно однихъ мѣстныхъ условій; благодаря только этому и возможны были въ немъ такія явленія, что „новая образовавшаяся изъ другой церкви не была принуждаема слѣдовать примѣру и существующему въ старой церкви порядку, но могла вырабатывать для себя форму божественнаго культа, соотвѣтствующую своимъ обстоятельствамъ и положенію“ ³⁾. Отголоскомъ самостоятельности церквей въ этомъ отношеніи служатъ такія, встрѣчающіяся въ литургіяхъ замѣчанія, какъ „священникъ читаетъ молитвы, которыя по обычаю церквей бываютъ различны“ ⁴⁾. Находя, такимъ обра-

ственного писателя Филарета Черниговскаго, замѣчающаго въ одномъ мѣстѣ, что литургія Іакова написана «не позже 3-го в.» (Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣвній греческой церкви. Ч. I, стр. 13; изд. 1864 г.). Его отзывъ повторенъ священникомъ Нечаевымъ въ статьѣ «Божественная литургія» (Душеполезное Чтеніе 1867 г., часть II, стр. 298). Что касается месопотамской литургіи ап. Ѳаддея и Марія, то Neal утверждаетъ, что она не можетъ быть произведена отъ распространенія или заимствованія литургіи кесарійской и іерусалимской.

¹⁾ Hammond. Liturgies Eastern and Western. p. XLIII, XLIV; 32 p. not. 3—; 173 p. not. 1—; Oxford, 1878 г.

²⁾ Bickell. Liturgien. — Kraus: Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer. 325. s. 1883 г.

³⁾ Bingham. Origines. V том. p. 113.

⁴⁾ Собраніе древнихъ литургій. Вып. вт. стр. 42, 17.,

зомъ, достаточныя основанія усвоить нашимъ литургіямъ мѣстный характеръ, мы не имѣемъ уже права отрицать ихъ апостольской основы. Въ исторіи ихъ развитія она составляетъ первое и существенное звено, исключивъ которое, мы рискуемъ оставить послѣднюю безъ начала. Поэтому мы и считаемъ вопросъ о ней настолько же и обязательнымъ, насколько обязательнъ другой, вызываемый содержаніемъ литургій, именно, вопросъ о главнѣйшихъ моментахъ ихъ историческаго развитія. Благодаря этому, наше изслѣдованіе должно распасться на двѣ части; но прежде чѣмъ приступить къ нему, мы остановимся на тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ наука для опредѣленія апостольскаго содержанія литургій. Изъ нихъ на первый планъ выдвигаются ея свидѣтельства о нашихъ литургіяхъ древнихъ писателей и ихъ согласіе съ другими литургіями въ общихъ и главныхъ чертахъ; но такъ какъ ни то ни другое не даетъ, по нашему мнѣнію, права на тѣ заключенія объ апостольскомъ составѣ литургій, которыя дѣлаютъ при ихъ помощи, то обозначивъ первоначально ту область, въ границахъ которой ихъ голосъ имѣетъ значеніе, мы затѣмъ перейдемъ къ указанію другихъ наиболѣе соотвѣствующихъ нашей цѣли средствъ.

Рядъ свидѣтельствъ о существованіи литургіи съ именемъ апостола Іакова начинается съ V в.; впрочемъ, первое изъ нихъ по древности—свидѣтельство св. Епифанія († 403) — просто называется Іакова однимъ изъ установителей таинствъ¹⁾; далѣе его идетъ константинопольскій патріархъ Прокль; приписываемый ему трактатъ „о преданіи божественной литургіи“ упоминаетъ объ апостолѣ Іаковѣ, какъ „объ оставившемъ и предавшемъ церкви письменное изложеніе таинственной литургіи“²⁾. Ту же самую мысль повторилъ и Трульскій соборъ въ 32 пр.; „ибо и Іаковъ, по плоти братъ Христа Бога нашего“, говоритъ оно, „и Василій, архіепископъ кесарійскій, письменно предавшіе намъ таинственное священнодѣйствіе, передали въ божественной литургіи составлять священную чашу изъ воды и вина“³⁾. Изъ позднѣйшихъ писателей, упоминавшихъ о литургіи Іакова, можно указать на alexandрійскаго патріарха Марка, свидѣтельство котораго привели выше, Николая, епископа Мееонскаго, который въ оправданіе православнаго ученія о томъ, что освященный хлѣбъ и вино есть тѣло и кровь Христовы, ссылается на примѣръ самого Спасителя,

¹⁾ Adversus Haereses, Lib. III. tom. II. Haeres. LXXIX n. 3. Migne. tom. XLII, col. 744.

²⁾ Λόγος περί παραδόσεως θείας λειτουργίας. Migne LXV t. col. 849.

³⁾ Правила св. апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отцевъ, стр. 347; изд. Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Москва. 1876.

на практику апостоловъ и всѣхъ жителей Іерусалима, для которыхъ, по его словамъ, „блаженный Іаковъ, братъ и преемникъ перваго и великаго первосвященника, составилъ таинственную и безкровную жертву“ ¹⁾; Марка Ефесскаго, который пишетъ: „божественный же Іаковъ, первый іерусалимскій епископъ, братъ и вмѣстѣ преемникъ перваго и великаго Первосвященника, самъ составившій таинственную литургію, послѣ произношенія словъ Господа пишетъ слѣдующее: итакъ и мы, грѣшныя, вспоминая Его животворящія страданія...“ ²⁾; канониста Алексѣя Аристина, замѣтившаго въ толкованіи на 32 пр. Трульскаго собора: „армяне не знаютъ, что самъ Златоустъ, Василій Великій и братъ Божій Іаковъ приносили жертву, смѣшивая вино съ водою, и намъ передали такъ совершать“ ³⁾; Виссаріона Никейскаго, — „греки, особенно новѣйшіе, согласно съ Іаковомъ, братомъ Божиимъ, Василиемъ и Златоустомъ думаютъ, что тѣло и кровь Христовы совершаются (освящаются) не этими Спасителя нашего словами, но нѣкоторыми дальнѣйшими молитвами священниковъ“ ⁴⁾. Подобное приведеннымъ свидѣтельство находимъ также и въ „Мѣсяцесловѣ Василия“, подъ 23 октября въ немъ читается: „мученичество святаго первомученика и апостола Іакова, брата Божія. Святый Іаковъ, поставленный Самимъ Господомъ, былъ первымъ епископомъ іерусалимскимъ. Онъ же первый написалъ божественную литургію, наученный ей Христомъ“ ⁵⁾. Съ нѣкоторыми варіаціями сохранилось преданіе о литургической дѣятельности ап. Іакова у отдѣлившихся отъ православной церкви сирійцевъ и армянъ. Такъ, Діонисій Варсалиби, митрополитъ амидскій (XII в.), говоритъ, что „въ день Пятидесятницы сошелъ на апостоловъ Св. Духъ, во второй день они совершили св. помазаніе, въ третій — освятили престолъ или алтарь, въ четвертый же Іаковъ, братъ Господень,

¹⁾ Nicolai episcopi Methonensis ad eos, qui haesitant ajuntque, consecratum panem et vinum non esse Corpus et Sanguinem Domini nostri Iesu Christi. Dela-Bigne. Maxima Bibliotheca veterum patrum. p. 635. Lugduni. 1677 г.

²⁾ Μάρκου ἀρχιεπισκόπου Ἐφέσου, ὅτι οὐ μόνον ἀπὸ τῆς φωνῆς τῶν δεσποτικῶν ῥημάτων ἀγιάζονται τὰ θεῖα δῶρα, ἀλλ' ἐκ τῆς μετὰ ταῦτα εὐχῆς καὶ εὐλογίας τοῦ ἱερέως δυνάμει τοῦ ἁγίου πνεύματος. Migne. Cursus completus patrologiae. 160 том., 1082 col. ed. 1866.

³⁾ Правила св. апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ. Вып. III ч. II. стр. 386. изд. 1877 г.

⁴⁾ Bessarionis episcopi Tusculani, sanctae Romanae Ecclesiae cardinalis, Clotali Patriarchae. «De sacramento eucharistiae et quibus verbis Christi corpus conficiatur». Migne. Cursus completus patrologiae. 161 том. col. 493.

⁵⁾ Menologium Graecolum jussu Basilii imperatoris graece olim editum, munificentia et liberalitate sanctissimi Domini nostri Benedicti XIII in tres partes divisum nunc primum graece et latine prodit studio... cardinalis Albani. Pars. I. p. 135. ed. 1727 г.

совершилъ приношеніе, надписанное его именемъ и начинающееся словами: „Господи и Боже всяческихъ“. И когда его спросили, откуда онъ заимствовалъ это, отвѣтилъ: „живъ Господь, ничего я не прибавилъ и не убавилъ изъ того, что слышалъ отъ Господа“ ¹⁾. Равнымъ образомъ, Исаакъ, католикосъ Арменіи, обличая армянъ, не смѣшивающихъ вина съ водою на евхаристіи, говоритъ, „что чаша, которую Христосъ подалъ апостоламъ, содержала вино и воду; свидѣтель тому ап. Іаковъ, братъ Божій, и ев. Маркъ, которые оба въ литургіи говорятъ такъ: также и чашу послѣ вечера взявъ и смѣшавъ изъ вина и воды, благословивъ и благодаривъ, подалъ Своимъ ученикамъ, говоря: пійте изъ нея вси, сія бо есть Кровь Моя, за васъ изливаемая“ ²⁾. При такомъ обилии свидѣтельствъ объ одной изъ нашихъ литургій довольно странно встрѣтиться почти съ полнымъ молчаніемъ древности о другой, т. е. Марковой. Въ теченіе цѣлыхъ десяти первыхъ вѣковъ христіанства мы имѣемъ о ней одно лишь краткое упоминаніе у Исаака, католикоса Арменіи; затѣмъ слѣдуетъ свидѣтельство александрійскаго патріарха Марка, и, кромѣ нихъ, древность не представляетъ никакихъ указаній на нее, если не считать находящагося у Абульбирката замѣчанія: „литургія Марка, которую передѣлалъ Кириллъ“. Положимъ, согласно съ авторомъ „Собранія древнихъ литургій“ можно сказать, „что въ вопросѣ патріарха Марка ясно высказывается, что эта литургія извѣстна въ областяхъ Александріи и по преданію считалась написанною Маркомъ“ ³⁾; но отсутствіе другихъ указаній на нее съ полною достовѣрностію заставляеть считать это преданіе мало распространеннымъ и притомъ, какъ видно изъ вопроса, довольно слабымъ и шаткимъ, разъ на него не могъ опереться патріархъ, очевидно, болѣе довѣрившій преданію о литургіи ап. Іакова, если во время своего пребыванія въ Константинополѣ хотѣлъ совершить ее, а не свою мѣстную, т. е. Марка.

Еще менѣе свидѣтельствъ имѣется о третьей литургіи—Ѳаддея и Марія; ихъ апостольская дѣятельность среди жителей Месопотаміи засвидѣтельствована многими писателями, но о литургической говоритъ одинъ памятникъ—сирійское собраніе канонѣвъ и различныхъ постановленій, подъ заглавіемъ: „ученіе апостола Ѳаддея, учителя и просвѣтителя Эдессы и всей Месопотаміи“ ⁴⁾.

Перечисленные свидѣтельства въ связи съ надписаніемъ ли-

¹⁾ Assemanus. Bibliotheca Orientalis. II tom. p. 178, ed. 1721 г.

²⁾ Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰσαὰκ τοῦ καθολικοῦ τῆς μεγάλης Ἀρμενίας λόγος στηλιτευτικός κατὰ Ἀρμενίων καὶ λοιπῶν αἰρετικῶν. с. VI. (περὶ τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου καὶ τοῦ ὕδατος.). III. Migne. Cursus completus patrologiae. 132 tom., col. 1176, ed. 1864 г.

³⁾ «Собраніе древнихъ литургій». Выпускъ III, стр. 18.

⁴⁾ Renaudot. Liturgiarum Orientalium collectio. II tom p. 562